Общая газ. - 1995. - 26 окт. - с.10.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Бунин и Буров. Богатый графоман лучше Набокова

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ Бунин, 125-летие которого отмечается в эти дни, был известен как чрезвычайно строгий, субъективный и нелицеприятный критик. Почти всегда Бунин был несправедлив к нелюбимому автору. Общеизвестно, что он не терпел поэзии Блока и всех символистов вообще, стихи Есенина называл «то ли острожной, то ли писарской лирикой», недружелюбно, почуяв конкурента, отнесся к появлению на литературной сцене небывалого русского писателя В. Сирина (Владимира Набокова). Советских писателей для Бунина не существовало вовсе – ни Шолохова, ни былого приятеля Алексея Толстого. Лишь Твардовский удостоился, за несколько лет до смерти мэтра, благожелательного отзыва о «Василии Теркине», чем, по словам современников, Александр Трифонович был несказанно обрадован и горд.

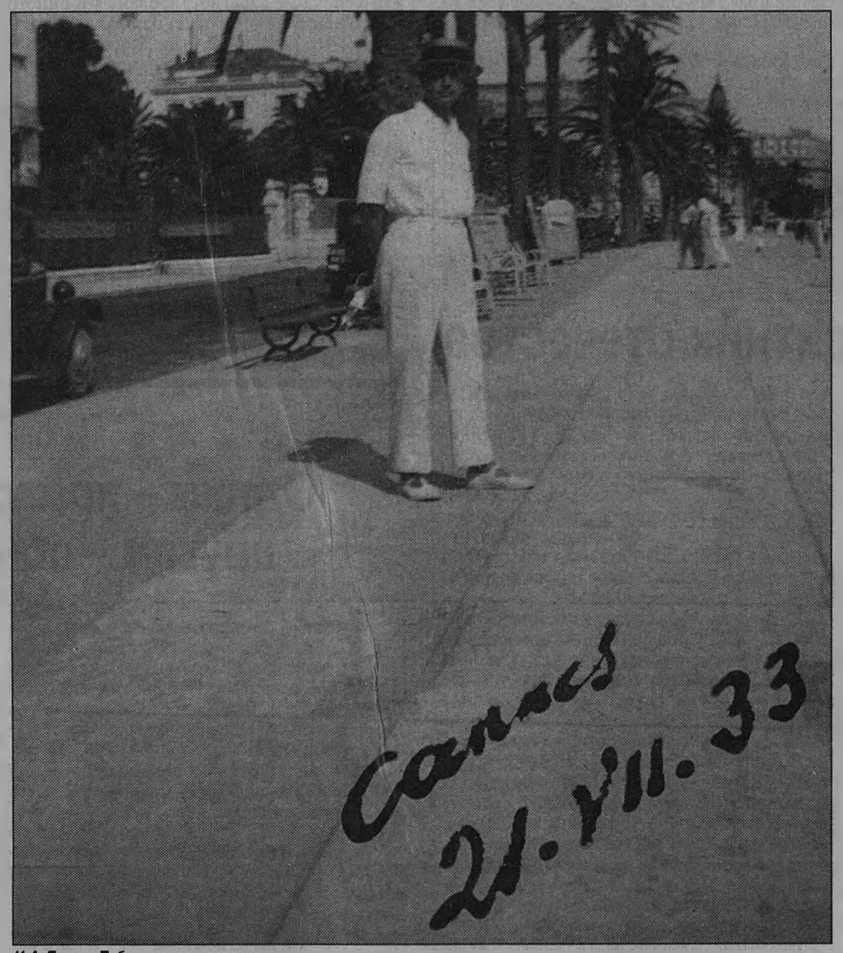
Среди писателей, о творчестве которых у Бунина не нашлось бранных слов, – совершенно неизвестный сегодня Александр Павлович Буров (1871–1967). До революции этот преуспевающий инженер-технолог, директор завода «Феникс» и инженер-консультант нескольких франко-русских заводов заполнил театральную Россию множеством оригинальных и переводных «кассовых» пьес под псевдонимом Бурн-Восходов. В частности, Бурову принадлежали переводы большинства шедших на русской сцене пьес Гауптмана, Зудермана и др. Всего он создал 26 оригинальных и переводных пьес.

Беллетристические произведения Бурова носили яркие, запоминающиеся заглавия: «Гимн безумию», «Жизнь окаянная... Жизнь зарубежная...», «Господи! Твоя Россия!», «А Марианна тоже хохотала», «Его действительно последняя любовь», «Хризантемы и фильдекосовые чулки». Всего «беллетристических книг 18, в том числе трилогия «Бурелом», роман-летопись поколений последних императоров. Автор дерзает полагать, что его «Бурелом» – продолжение «Войны и мира», – писал Буров в своей автобиографии в 1952 г. И дальше: «...мой большой роман только чуть ниже... «Войны и мира». А знатоки-рецензенты найдут его, пожалуй, еще и «памфлетом»!? Что ж? Ничего я не имею против попасть в памфлетисты заодно с Достоевским («Бесы») и Писемским...» (РГАЛИ, ф. 2512, оп. 1, ед. хр. 549).

Итак, перед нами портрет не только бойкого переводчика, но и типичного графомана. Графомана жовиально-жизнерадостного, обладавшего отменным здоровьем (доживший до мафусаиловых лет Буров в цитированной автобиографии гордо писал: «Но и в 84 года, в часы отдыха и спорта мы с легкостью ломаем еще и лошадиные подковы...») и, скорее всего, до конца жизни так и не узнавшего истинную цену своим романам и повестям. Да и не столько ими Буров был славен в кругу русской эмиграции, сколько тем, что однажды прилюдно, в зале бюро путешествий Кука, что против Grand Opera, дал по физиономии поэту Георгию Иванову и тогда же, 25 февраля 1935 г., известил об этом всю русскую колонию в Париже открытым письмом (пообещав, что где ни встретит Г. Иванова – «продолжение последует, если... не исправится»).

Бьющие ключом жизненные силы и неуемная энергия чрезвычайно удачно подпитывались прочным финансовым положением Бурова. Инженером он был классным: консультировал Королевскую верфь в Амстердаме, которая за 15 лет отличной работы преподнесла ему «булавку с цифрой 15, усыпанную бриллиантами. Вот вам и инженер... царской тирании» (Автобиография). Но Буров не трясся над златом. Он был, судя по всему, хоть и недалеким, но добрым и открытым человеком и щедро помогал то одному, то другому русскому писателю: жене юмориста Ло-ло (Л.Г. Мунштейна) подарил швейную машинку, кому-то устроил издание книги, кому-то просто денег одолжил: «Отдадите, когда разбогатеете». Среди корреспондентов Бурова Георгий Адамович, Марк Алданов, Александр Амфитеатров, Гайто Газданов, Роман Гуль, Борис Зайцев, Дон-Аминадо, Алексей Ремизов, Михаил Осоргин – весь русский литературный Париж.

Академик И.А. Бунин также пользовался кредитом богатого графомана. Наверняка он испытывал к Бурову симпатию – трудно было оттолкнуть такой напор настойчивой доброжелательности. Но за это надо было платить: Буров требовал отзывов на свои произведения. Конечно, до печатных рецензий дело дойти не могло: написать похвальную было невозможно, а поделом разругать – еще более невозможно: играя старого русского барина-самодура или желчного патриция, Иван Алексеевич вовсе не собирался плевать в колодец и ссориться с Буровым. Да и незачем было обижать хорошего, хоть и не хватающего с неба звезд человека, нашедшего в занятиях литературой (книги издавались, разумеется, за свой счет) безобидное хобби. Любопытно, что когда становилось уже неловко уклоняться от требований Бурова, Бунин сумел найти точное и ничуть не обидное словечко, обозначавшее литературную продукцию писателя-инженера: вы пишете, де, «напористо».



И.А. Бунин. Публикуется впервые

Ниже печатаются 6 из 20-ти писем и открыток И.А. Бунина к А.П. Бурову за 1932–1939 гг. Буров подчеркивал в бунинских письмах красным карандашом отдельные строки, касающиеся, в основном, отклика на собственные произведения, иногда писал на полях свои «комментарии» (некоторые из них воспроизведены). Авторские подчеркивания Бунина на печати выделены шрифтом. Письма (как и фотоснимки) публикуются впервые. Любопытно в них отношение Бунина к Нобелевской премии, а также упоминание неосуществившихся проектов экранизировать свои вещи в Америке – об этом, как кажется, никто из исследователей творчества Бунина не писал. Письма Бунина хранятся в фонде А.П. Бурова в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 2274, оп. 1, ед. хр. 29).

А.П. Буров. Публикуется впервые

1

Дорогой Александр Павлович,

благодарю Вас сердечно за книгу, за горячие и добрые строки, написанные на ней, за телеграмму... Я сейчас буквально с утра до вечера сижу за писанием и, как всегда в такое время, ровно ничего не читаю (даже из дому весь день не выхожу) и потому книгу Вашу только **просмотрел**, так что одно могу сказать о ней пока: не легко читается, но очень, очень много хорошего в ней. Дай Бог ей успеха!

Очень хорошо Вы сказали: «надо жить по-еврейски – 100 лет и бодро...» Так бы и жить с радостью – очень еще хочется жить и делать, делать... Да уж очень гнетет и обижает судьба! Задавило сиденье в глуши, в страхе за кусок хлеба на завтра, в мизере, а вот прославляют и обогащают и без того давно прославленных и богатых, главное – чаще всего **конченных**, старых отживших! Желал бы я так – что изменится в жизни г. Golsworthy от этой премии![1] А тут пропадаешь **преждевременно...**

Крепко жму Вашу руку.

Ваш *Ив. Бунин*

11.XI.32

Villa Belvedere
Grasse, a. m.

2

Дорогой Александр Павлович,

не писал потому, что Вы точно в воду канули, не знал, где Вы. Теперь знаю – письмо Ваше и деньги получил и за все очень благодарю – всем Вы меня очень тронули (равно как и рассказом о милейшем Соловейчике, который прочел с большим удовольствием, с грустью и с умилением). Очень рад, что Вы опять скоро будете в своем «третьем отечестве»[2] и «надолго» – все-таки тут «теплей». Приедете ли на юг? Приедете – известите, все очень рады будем повидаться с Вами. А в Париже навряд увидимся – мало надежд, что удастся хоть на недельку съездить туда! Разве что Бог пошлет какую-нибудь удачу – вот просят из Америки продать для кинематографа «Господина из С<ан>-Фр<анциско>» – большое это было бы подспорье для меня! О Нобелевской премии есть уже, вероятно, или скоро будут в Берлине слухи более точные, чем те, что доходят сюда – будьте добры, милый, немедля **напишите мне точно (сохранив в полной тайне эту мою просьбу).** А пока до свидания и дай Вам Бог всего хорошего. Весь Belvedere Вам кланяется. Галю зовут Галиной Николаевной[3]. Читали Вы рецензию Бишилли о ней в «Совр. Записках»?[4] Мы все очень счастливы за нее.

Сердечно обнимаю Вас!

Ваш *Ив. Бунин.*

29.X.33

В правом верхнем углу письма «комментарий» Бурова:

«Сейчас 12.10 пополуночи. Был у С. Горного... И вдруг по радио слышим: Нобел<евская> премия академику Ивану Алекс. Бунину! Подпрыгнули, перецеловались, совершилась величайшая справедливость, о чем и телеграфировали ночью же Бунину. 9 нояб. 1933 года».

3

13.XI.33

Дорогие Александр Павлович и Александр Авдеевич[5], очень, очень благодарю за поздравления. Очень прошу Вас обоих взять на себя всякие могущие быть со мной переговоры со стороны немецких издательств и журналов о переводах моих произведений.

Простите краткость – меня сбивают с ног. Целую Вас обоих.

Ваш *Ив. Бунин*

Villa Belvedere, Grasse, a. m.

4

Дорогой Александр Павлович, я Вас не забывал – это Вы сами не давали ни слуху ни духу. Был в Париже на минутку – звонил к Вам раза три, но безуспешно. А написать не мог – забыл дома Ваш адрес. Насчет «фабриканта отзывов о себе» – разве я не писал Вам? Милый, да ведь это старо как мир – что же Вы возмущаетесь? А книгу Вашу я долго не читал – верьте Богу, с утра до ночи сидел (и все еще сижу) над распределением (оч<ень> трудным!) и правкой материала для собрания своих сочинений в «Петрополисе». А сколько еще всяких дел и делишек! А поиски себе хижины (оч<ень> хочу купить)! Все же за последнее время урывал минутки и почти всю «Землю в алмазах» прочел[6]. В общем – молодец Вы. Оригинально, напористо, смело – талантливо. И несомненно – «делаете успехи». Не обижайтесь, дорогой – **настоящие** успехи мы делаем вовсе не в молодости, а гораздо позднее.

Вы опять в Берлине были? Когда же Вы с ним кончите? когда обретете себе прочное пристанище во Франции?

Обнимаю Вас – и, надеюсь, до скорого свидания: дела больше требуют того, чтобы я опять на днях сбегал в Париж. Уж на этот-то раз, надеюсь, увидимся. О многом хотелось бы поговорить. А писать я не мастер, не люблю, а главное – очень нет времени.

Ваш *Ив. Бунин*

12.V.34

5

Villa Belvedere, Grasse, a. m.
Телефон: Grasse 3-68

Дорогой Александр Павлович,

не знаю, как писать Осипу Исидоровичу[7] в «Majestic»: на его настоящую фамилию или на литературную? Боюсь, что если напишу: «Mr. Dymoff», письмо ему не передадут. Поэтому очень прошу Вас повидаться с ним и сказать ему, что я сердечно приветствую его, благодарю за доброе желание помочь мне насчет американского кино и буду очень рад, если он напишет мне сам, каковы его планы в этом смысле и надеется ли он более или менее серьезно устроить что-нибудь мое в этих кино. Я, конечно, приехал бы в Париж, если бы в этом оказалась практическая необходимость. Но что же ехать очертя голову? Лучше нам с Осипом Исидоровичем предварительно списаться. Кроме того, я прошу его принять Марка Львовича Слонима[8] (13, rue Bonaparte, Paris 6, телефон: Danton 54-62) – тоже для предварительного разговора: Марк Львович, как Вы знаете, мой литературный представитель в Париже и я уже просил его заняться мной и насчет кино, так что действовать без него мне теперь неудобно.

Обнимаю Вас.

Ваш *Ив. Бунин*

16 июля 1934 г.

6

Villa «La Dominante» 25, Av. de Villaine Beausoleil, A. M. France

9/III.39

Дорогой Александр Павлович, получил Ваше письмо из Лондона – и подивился ему: недавно (в Париже) читал Вашу книгу, только что изданную, – пишете Вы с прежним напором, яростно, молодо, а письмо такое, что можно подумать, что Вам стала изменять память: ибо как объяснить иначе Ваши слова, будто «после Нобеля я Вас «оставил, забыл»? Неужели Вы запамятовали, что «после Нобеля» мы с Вами не раз, даже много раз виделись и приятельски о многом беседовали? И еще: откуда Вы взяли, что я где-то писал, что «после Нобеля трудно быть простым»? Где, когда я писал так? Вообще, если кто кого забыл, так это Вы меня. Сто лет не было от Вас ни слуху ни духу. Да и теперь ничего не пишете Вы о себе. Что Вы? Как Вы? Почему в Лондоне? Почему Amsterdam? Да еще не просто Амстердам, а «вернее», чем Rue de la Tour? Вы, верно, тоже удивитесь, увидев мой адрес: «Beausoleil»? Но тут дело просто: трудно мне жить в Париже, – все хвораю там от мерзкого климата и писать не могу без тишины, без чистого воздуха, без солнца. Вот и уехали мы с Верой Николаевной[9] опять на юг и сидим в квартирке на горе над Monte Carlo. А с 1-го мая будем, надеюсь, сидеть опять над Грассом, все в том же «Бельведере»: «возвращается ветер на круги своя» – в данном случае потому возвращается, что другие «круги» мне снова не по карману: ведь **шестой** год пошел «после Нобеля», а я жил все время после него, проживая капитал, не получая от капитала процентов, а в свое время сколько раздал и сколько долгов заплатил! Из этого же следует вот что: постарайтесь-ка, милый, устроить какую-нибудь мою книжку (хоть, напр., последнюю, выходящую дня через 3, – маленький роман под заглавием «Лика») в этом самом Амстердаме для перевода, а то, право, очень опять беден я стал, и напишите мне, как Вас Бог милует, пока же будьте здоровы и благополучны.

Ваш *Ив. Бунин*

Примечания

1. Нобелевская премия по литературе была присуждена Дж. Голсуорси в 1932.

2. «Третьем отечестве» Буниным написано вместо вычеркнутого «Франции».

3. Кузнецова Галина Николаевна (1902–1976) – поэтесса, прозаик. Была одним из последних любовных увлечений Бунина. Жила вместе с четой Буниных в Париже и Грассе с 1927 по 1942. Автор «Грасского дневника», изданного в Вашингтоне в 1967.

4. Имеется в виду рецензия П.М. Бицилли на роман Г. Кузнецовой «Пролог» в 53-й кн. парижского журнала «Современные записки» за 1933.

5. Александр (Марк) Авдеевич Оцуп – настоящие имя и фамилия поэта-юмориста и пародиста, писавшего под псевдонимом Сергей Горный (1882–1949).

6. «Земля в алмазах» – роман Бурова. Судя по дате письма, Бунину была присланд рукопись романа, ибо первое издание вышло в приложении к журналу «Иллюстрированная Россия» в 1937.

7. Дымов Осип (Иосиф Исидорович Перельман; (1878–1959) – прозаик, драматург, журналист. В 1913 эмигрировал в Америку, с 1926 – гражданин США. Писал в Америке на идише и на русском, стал признанным драматургом бродвейских театров, сотрудничал в сменовеховской нью-йоркской газете «Русский голос».

8. Слоним М.Л. (1894–1976) – литературный критик, впоследствии профессор русской словесности ряда зарубежных университетов.

9. Бунина (рожд. Муромцева) В.Н. (1881–1961) – жена И.А. Бунина, автор воспоминаний о нем.

Публикация Сергея ШУМИХИНА